

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ИЗОБРАЖЕНИЯ СТИХИИ КАК СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЙ СИЛЫ В ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

Яковенко О. А.

МОВНІ ЗАСОБИ ЗОБРАЖЕННЯ СТИХІЇ ЯК НАДПРИРОДНОЇ СИЛИ В ПОЕМІ О. С. ПУШКИНА „МІДНИЙ ВЕРШНИК”

Одним з образів, що домінують в творах О. С. Пушкіна болдинського періоду, є образ стихії, який можна інтерпретувати з різних точок зору, однією з яких є втручання надприродних сил в долі людей. Аналіз в статті направлено на виявлення та опис мовних засобів зображення ріки, що розбушувалась. Образ стихії реалізується в поемі за допомогою засобів різних рівней мови: багаточисельні алітерації, асонанси, актуалізація категорій невизначеності та заперечення, граматичних категорій роду та числа іменників.

Ключові слова: стихія, надприродний, мовні засоби, граматичні категорії, рід, число, категорія невизначеності.

Яковенко Е. А.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ИЗОБРАЖЕНИЯ СТИХИИ КАК СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЙ СИЛЫ В ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА «МЕДНЫЙ ВСАДНИК»

Один из образов, доминирующих в текстах А. С. Пушкина болдинского периода, – образ стихии, который можно интерпретировать с разных точек зрения, одной из которых является вмешательство сверхъестественных сил в судьбы людей. Анализ в статье направлен на выявление и описание языковых средств изображения разбушевавшейся Невы, как сверхъестественной силы, вмешавшейся в жизнь Евгения в поэме «Медный всадник».

Ключевые слова: стихия, сверхъестественный, языковые средства, грамматические категории, род, число, категория неопределенности.

Yakovenko E. A.

LANGUAGE MEANS OF DEPICTION OF THE ELEMENT AS A SUPERNATURAL POWER IN A. S. PUSHKIN'S POEM "THE COPPER RIDER"

One of the dominant characters in Pushkin's texts of Boldino period is the character of the element which can be interpreted from different points of view. One of those is supernatural interference of the element into people's lives. The analysis is directed to discover and describe the language means of depiction of the river Neva as a supernatural power in the poem.

Key words: element, supernatural, language means, grammatical categories, Gender, number, category of uncertainty.

Анализируя тексты А. С. Пушкина, исследователи не раз отмечали «присущее ему от природы мистическое предощущение потустороннего мира», «устремление к миру таинственного и непостижимого» [7, с. 78]. Однако последовательный анализ мистических мотивов пушкинского творчества не предпринимался. Тем более, целенаправленно не рассматривались языковые средства создания картины потустороннего мира, характерные для стиля А. С. Пушкина.

Многие исследователи пушкинского творчества (Ю. М. Лотман, А. Л. Осповат, Л. В. Пумпянский, Р. О. Яковсон) отмечали особенности произведений писателя, созданных в Болдино: «Пушкинский реализм 1830-х годов сочетает, с одной стороны, постановку наиболее глубоких вопросов, а с другой – показ возможности неоднозначных ответов на них» [11, с. 28].

Ю. М. Лотман в работе «В школе поэтичес-

кого слова. Пушкин. Лермонтов. Гоголь» подчеркивает, что через все произведения А. С. Пушкина этих лет проходят образы разбушевавшихся стихий, которым «приписывались признаки стихийного движения, размаха, неукротимой силы и одновременно разрушительности, иррациональности и неуправляемости» [11, с. 28]. Поэт описывает метель, пожар, наводнение, чумную эпидемию, извержение вулкана и их образы можно понимать с разных точек зрения: «природно-космической, народного мятежа, а также с точки зрения сверхъестественного вмешательства демонических сил в судьбы людей» [11, с. 29].

Анализ в данной статье направлен на выявление и описание языковых средств изображения разбушевавшейся стихии в поэме «Медный всадник» как сверхъестественной силы, вмешавшейся в жизнь Евгения.

Сверхъестественность происходящего в поэме «Медный всадник» обусловлена введением

в повествование образа водной стихии, так как символ воды занимает одно из важнейших мест в мировой мифологии.

«Вода» в мифологии – один из первичных архетипов и связан с универсальными категориями мышления. Под архетипом мы, вслед за С. С. Аверинцевым, понимаем обозначение «наиболее общих, фундаментальных и общечеловеческих мифологических мотивов, изначальных схем представлений, лежащих в основе любых художественных, и в том числе мифологических структур (например, дерево мировое)» [1, с. 111].

«Вода – первоначало, исходное состояние всего сущего, эквивалент первобытного хаоса», «являя собой начало всех вещей, Вода знаменует их финал, ибо с ней связан мотив потопа» [2, с. 240]. В символической разнице народов потоп связан «с темой рождения и смерти, уничтожением всего живого на земле за грехи» [3, с. 391].

Вся поэма пронизана идеей водной стихии. Это в тексте выражается различными средствами звукового, лексического, морфологического и синтаксического уровней.

В. И. Иванов в работе «К проблеме звукообраза у Пушкина» отмечает, что в ряде пушкинских стихотворений или отдельных эпизодов, составляющих большие композиции, наблюдается звуковое единство, которое значимо для поэта, они сводятся «к некоему единству господствующего звукосочетания, явно имеющего для поэта, в пределах данного мелоса, символическую значимость. Их расцвет в слове есть раскрытие в процессе творчества единого звукового ядра, подобно сгустку языковой материи в туманности, долженствующей преобразоваться в многочастное и одаренное жизнью тело. О символической природе можно говорить потому, что оно уже заключает в себе и коренной звукообраз, как морфологический принцип целостного творения, поскольку последнее представляет собою органическое единство мелоса, мифа и логоса» [9, с. 264].

В поэме «Медный всадник» находим многочисленные примеры аллитерации и ассонансов. В следующих рядах наблюдается аллитерация Н и В, а также ассонанс Е и А, повтор которых создает переключки со словом Нева, например, «*НеВа Всю Ночь*», «*НеВа гНЕВна*».

В описании бушующей реки преобладают слова с согласными Р и В, способствующие звуковой наполненности описания, а также звукосочетания Б и Р, которые переключаются со словом буря: «*РВалася к мОрю нРотиВ Бури, / Не одолев их Буйной дури... /*» [14, с. 383].

В приведенном ниже фрагменте наблюдается повтор звука Р в каждой строке, что, в комбинации с повторами согласных Б, Г, П, Т и звукосочетаниями НВ, создает образ грозной реки и эф-

фект громких звуков:

«И споРиТЬ стало ей НеВмочь... / ПоуТРу Над ее БРеГами / ТесНился кучами НаРоД, / ЛюБуясь БРызГами, ГоРами / И ПеНой РазъяРеННых ВоД. / Но силой ВеТРоВ оТ залиВа / ПеРеГРажДеНная НеВа / ОБРаТно шЛа, ГНеВна, БуРЛива, / И заТоПляЛа оСтРоВа, /» [14, с. 383].

В следующем стихе в каждом слове выделяется звук П, который отсылает к описываемому объекту – погоде: «*Погода Пуще свиреПела*», в комбинации со следующим стихом, где доминируют согласные НВ, а также звуки Р и В, создается переключка между словом Нева и «свирепый рев», что передает сопровождающие события звуки:

«ПогоДа Пуще сВиРеПеЛа, / НеВа ВЗДуВалась и РеВеЛа, /» [14, с. 383]

В стихе «*КотЛом КЛокоча и Клубясь, /*» повторяются согласные КЛ-КЛК-КЧ-КЛ, передающие дополнительные звуки бушующей реки, описываемой с помощью слов, которые переключаются с образом кипящей воды.

Слово «котёл» связано с кипением, варкой, «клокотать» – означает «волноваться с шумом, бить ключом, кипеть, взбивая пену и с гулом» [8, т.2, с. 120], «клубясь» – связывается с паром над кипящей водой. Такое описание позволяет воспринимать наводнение как божье наказание, что метонимически передается далее в тексте: «*Народ / зрит божий гнев и казни ждет/*». Народ видит бурлящую реку, воспринимает ее как гнев божий и ожидает смерти.

В стихах, приведенных ниже, передается внезапность изменения событий за счет звукового повтора согласных В, Д, Р, К, которые переключаются со словом «вдруг», а также наблюдается повтор звуков Н и В, отсылающий к Неве и усиленный сравнением реки со зверем:

«И ВДРуГ, КаК зВеРь оТеРВеНясь, / На ГоРоД КиНуЛась. ПРеД Нею / Все Побежало, Все ВокРуГ [К] / ВДРуГ оПустело – ВоДы ВДРуГ [К] / ВТеКли В Подземные ПодВаЛы / К решетКам хЛыНуЛи КаНаЛы, /» [14, с. 383-384].

Необходимо отметить, что внезапность происходящего подчеркивается также лексическим повтором местоимения среднего рода «всё» и слова «вдруг» – «сразу, разом, наконном, за один прием» [8, т.1, с. 173].

В следующих стихах наблюдаем повтор согласных ПРТ, В и Н, создающий переключки между словами и формирующий цельный образ города в воде:

«И ВсПлыЛ ПеТРоПоЛЬ, как ТРиТоН, / По Пояс В ВоДу ПоГРужеН //» [14, с. 384].

Далее в описании наводнения обнаруживаем аллитерацию звуков НВ-ВН, ВЛН-ЛВН-ВНЛ, ВД-ДВ, которые переключаются с водой, волнами и валом:

«ОН Не слыхал, / Как подымался жадный вал, / Ему по Дошвы по Дмы Вая, / Как Дождь ему В Лицо х Лестал, / Как Ветер, буйно завывая, / С него и шляпу Вдруг сорвал. / Его отчаянные Взоры / На край одиН НаВеДеНы / НеДвиЖно быЛи. СлоВно горы, / Из ВозмущеНной гЛубиНы / ВстаВали ВолНЫ там и зЛиЛись, / Там буря Выла, там НосиЛись /» [14, с. 385].

На звуковом уровне передается шум в пространстве водной стихии, в описании реки автор использует слова, связанные не только семантическими связями, «упорядоченность относительно фоном переносится на слова, которые оказываются сгруппированными некоторым образом. К естественным семантическим связям, организующим язык, добавляется «сверхорганизация», соединяющая не связанные между собой в языке слова в новые смысловые группы. Фонологическая организация текста имеет, таким образом, непосредственное смысловое значение» [10, с. 71].

Наряду с изобразительными средствами фонетического уровня, участвующими в создании сверхъестественного образа стихии в поэме «Медный всадник», обнаруживаем различные средства уровня лексического. Олицетворение в данном тексте является важнейшим средством изображения наводнения как надприродного явления. Под олицетворением мы понимаем «стилистический прием, состоящий в том, что неодушевленному предмету, отвлеченному понятию, живому существу, не наделенному сознанием, приписываются свойства, действия, поступки, присущие человеку» [4, с. 285].

Глагольная метафора является доминирующей в описании бушующей реки, и, занимая позицию предиката, приписывает «процессуальный признак лица неодушевленному субъекту – конкретному или абстрактному понятию» [17, с. 8].

Изображая реку, автор использует глаголы движения, которые обычно сочетаются с одушевленными существительными: «Нева рвалася», «Нева шла», «вставали волны», «потоп играл», «волны толпились», «Нева на город кинулась», таким образом, передается отношение автора к Неве как к живому существу.

Используя глаголы со значением процессов психической деятельности, автор наделяет реку и стихийные процессы природы (бурю, дождь, ветер) чувствами и эмоциями: «волны злились», «погода свирепела», «буря выла», «Нева ревела».

Усложнение семантики глагольных слов происходит за счет взаимодействия с контекстуальным окружением: введением, помимо глагольной, адъективной метафоры, использованием деепричастий для обозначения признака действий, вводом антропоморфных наречий и сравнений.

Адъективная метафора является сильным средством передачи эмоций реки: «Нева гневна,

бурлива», «злые волны», «жадный вал», «мрачный вал», «из возмущенной глубины», «разъяренных вод». Описание такого рода создает образ реки, наделенной сознанием, эмоциями, показывает Неву как стихию, враждебную человеку.

Усилению метафоризации способствует введение в описание деепричастных оборотов, в основе которых лежат глаголы несовершенного вида, которые выражают сопутствующее, дополнительное действие, приписанное стихии, подчеркивают эмоциональность ветра и волн:

«Как ветер, буйно завывая, / С него и шляпу вдруг сорвал /» [14, с. 385]. «И ветер дул, печально воя /» [14, с. 381]. «Где волны хищные толпились, / Бунтуя злобно вокруг него, /» [14, с. 392]. «Нева вздувалась и ревела, / Котлом клокоча и клубясь, /» [14, с. 383].

Дополняют картину одушевленной реки и стихийных сил природы наречия, указывающие на признак действия, характерный для лица: о волнах – «бунтуя злобно», «кипели злобно», о ветре – «буйно завывая», «печально воя», «выл уныло», о дожде – «сердито бился».

Введенные в описание глагольные и адъективные метафоры, антропоморфные деепричастия и наречия с эмоциональной семой создают образы живой реки, ветра и дождя, наделенные чувствами и полные враждебности по отношению к человеку.

Примечательным является уподобление реки не только человеку, но и зверю. Такое уподобление обуславливается диффузностью значений глаголов и прилагательных, участвующих в процессе метафоризации.

Так, «выть» – имеет значение «выводить голосом звонко, протяжно и жалобно (воют волки, ино и собаки)», а также значение «плакать голосом, рыдая заунывно, протяжно» (о людях) [8, т.1, с. 322]. «Реветь» – «громко, протяжно кричать, ворчать, урчать; издавать густой, низкий и протяжный звук» (о животных), о человеке «орать, зевать, кричать; петь криком, диким, густым голосом», а также есть значение «ревма плакать, вопить, плакать голосом, навзрыд, или, как дети, кричать в плаче долго, протяжно» [8, т.4, с. 88]. Семантически эти глаголы передают продолжительные звуки, похожие и на человеческий плач, и на звериный вой.

В стихе «волны хищные толпились» уподобление реки и человеку и зверю одновременно выражается с помощью прилагательного «хищные» и антропоморфного глагола «толпились».

«Хищный» относится к зверю – в значении «плотоядный, похищающий добычу свою, на пищу, силу, поедая других животных», и к человеку – «грабитель, несправедливый стяжатель, склонный к присвоению себе чужого» [87, т.4, с. 549]; глагол «толпиться», означает «со-

бираться, сходиться, сбиваться в толпу, толкаться», «толпа» – «скопище, сборище, сходбище, толкотня, множество сошедшихся вместе людей» [8, т.4, с. 413].

В описании наводнения поэт использует 5 сравнительных оборотов, введенных союзом *как*, и одну присоединительную конструкцию, введенную союзом *так* и содержащую развернутое сравнение.

В приведенных ниже сравнениях с союзом *как* разбушевавшаяся река сравнивается и с человеком, и со зверем одновременно, автор не может отнести Неву, наводнение к определенной сущности, что актуализирует категорию неопределенности в описании стихии:

«Нева металась, как больной / В своей постеле беспокойной. /» [14, с. 381], *«И вдруг, как зверь остервенясь, / На город кинулась.»* [14, с. 383], *«И тяжело Нева дышала, / Как с битвы прибежавший конь. /»* [14, с. 388], *«злые волны, / Как воры, лезут в окна.»* [14, с. 384], *«Мрачный вал / Плескал на пристань, ропща пени / И бьась об гладкие ступени, / Как челобитчик у дверей / Ему не внемлющих судей./»* [14, с. 391].

Категория неопределенности также выражается в актуализации грамматических категорий рода и числа существительных, относящихся к семантическому полю «вода» в данном тексте.

Я. И. Гин в работе «Проблемы поэтики грамматических категорий» на примере русских сказок показал, что колебание категории рода является характерной особенностью описания персонажей «чужого» мира: «отличительной чертой этих персонажей является полная или частичная непредставимость, неоформленность облика» [6, с. 10]. Е. А. Скоробогатова в работах «Категория грамматического рода и оппозиция «свой-чужой мир» в поэтических произведениях А. С. Пушкина» и «Стилистические функции актуализации грамматических категорий рода и числа в поэзии А. С. Пушкина» отмечает, что колебание категории рода при назывании существ «чужого» мира характерно не только для фольклора, но и для поэтической системы поэта. «Непредставимость» облика персонажа «чужого» (потустороннего) мира выражается в неопределенности рода и числа при его наименовании. [15; 16].

Водная стихия в поэме описывается словами, различными по характеристике количества воды, а также существительными разного рода и числа: «вода», «Нева», «вал», «потоп», «воды», «волны». В сравнениях *«Нева, как больной»*, *«Нева, как зверь»*, *«Нева, как конь»* наблюдается соположение имени собственного «Нева», с грамматическим значением женского рода, и субстантивированного прилагательного «больной», имен существительных «зверь» и «конь», имеющих грамматическое значение мужского рода. Употребление существительных разного рода и числа в описании наводнения подчеркивает сверхъестественную

природу реки.

Описывая размер волн, автор использует слова не только разного рода и числа, но и различающиеся по семантике количества. «Брызги» – «капли или всплески жидкости, от толчка, удара или плеска» [8, т.1, с. 132]; «горы» переключается с большой возвышенностью. Снова актуализируется категория неопределенности, благодаря использованию существительных, означающих разное количество воды.

Ирреальность водной стихии усиливается описанием потопа и реакции народа на происходящее:

«Нева вздувалась и ревела, / Котлом клочка и клубясь, / И вдруг, как зверь остервенясь, / На город кинулась. Пред нею / Все побежало, все вокруг / Вдруг опустело – воды вдруг / Втекли в подземные подвалы, /» [14, с. 383-384].

Лексический повтор наречия *вдруг* усиливает сверхъестественность происходящего, так как в поэтическом тексте, как и в языке сказок, «существуют сигналы быстрого, внезапного, стремительного изменения событий. Сигналом таких изменений являются наречия и наречные группы: *вдруг, в миг, в тот же миг, миг»*. [12, с. 214].

Народ, встретив стихию, также становится чем-то неопределенным, так как автор использует местоимение среднего рода «все» и согласованный с ним по категории рода глагол «побежало», «опустело» при описании города: *«все побежало, все вокруг вдруг опустело»*.

Это представляется важным, так как «категория лица не сочетается с средним родом. С средним родом сочетается самое отвлеченное представление о категории не-лица... Средний род выступает как отвлеченная форма обезличенной предметности» [5, с. 78].

Таким образом подчеркивается безликость человеческой массы, здесь «средний род создается не наряду с мужским и женским как их отрицание, а как бы вне самой идеи пола...» [5, с. 78]. Столкновение людей со сверхъестественной силой меняет законы реального мира, подчиняя их себе.

Не случайным представляется пересечение героем реки, для того, чтобы найти любимую. Река является неким порогом между мирами в произведениях А. С. Пушкина, содержащих волшебные мотивы.

Вода в поэме является границей между мирами. Происходит разделение на два подпространства, что обусловлено использованием указательного слова «там»:

«Вставали волны там и злились, / Там буря выла, там носились / Обломки... Боже, боже! там – Увы! близехонько к волнам, /... И ветхий домик: там оне, / Вдова и дочь, его Параша.../» [14, с. 385].

Слово «там» в данном контексте рождает

образ «другого» мира, отделенного пространства, неизбежно возникает оппозиция *там – тут*, что подчеркивает разграниченность и противопоставление двух пространств.

Евгений, история которого описывается на фоне наводнения, столкнувшись со стихией, тоже становится существом неопределенным, он представляется как существо, не имеющее ни определенного пола, ни принадлежности к реальному или ирреальному миру:

«И так он свой несчастный век / Влачил, ни зверь, ни человек, / Ни то, ни се, ни житель света, Ни призрак мертвый...» [14, с. 391].

В данном фрагменте описание Евгения строится на противопоставлении контрастных пар слов и словосочетаний, где члены в пределах пар равны по структуре.

В первой паре «*ни зверь, ни человек*» каждый из членов представлен словом, не антонимичным другому в системе языка, в данном контексте они становятся противоположными. Вторая пара «*ни то, ни се*» представлена антонимичными указательными местоимениями среднего рода. Третья пара – «*ни житель света, ни призрак мертвый*» состоит из двух двухсловных словосочетаний, противопоставленных друг другу.

«Житель» – «проживающий где постоянно, живущий где постоянно, живущий где оседло или кочевьем, обитатель, обыватель, землец», «свет» – «Вселенная, мир, земля наша, шар земной» [8, т.4, с. 157]. «Призрак» – «виденье, привиденье; невещественное явление, дух, во образе» [8, т.3, с. 414], «мертвый» – «лишенный жизни, умерший; бездыханный, безжизненный, покойник» [8, т.2, с. 319]. Таким образом, автор отрицает принадлежность Евгения к любому из существующих миров: ни миру животных, ни миру людей, ни земному, ни потустороннему мирам.

Если в поэме стихия уподобляется и человеку, и зверю, то при описании Евгения отрицается его подобие и всем живым существам, и сущностям потусторонним, что усиливается лексическим повтором отрицательной частицы «ни» при описании Евгения, так как отрицается само его существование.

После столкновения с враждебной стихией Евгений обречен на вечное беспокойство, он не находит пристанища, что подчеркивается введением в повествование образа круга, символа бесконечности и вневременности. Для этого автор использует лексемы с семантикой круга:

«Сойти не может! Вкруг него / Вода и больше ничего!» [14, с. 386], *«Все ходит, ходит он кругом»* [14, с. 389].

В стихе «Вода и больше ничего» подчеркивается сверхъестественная, абсолютная природа реки, а употребление отрицательного местоимения «ничего» актуализирует категорию отрицания

в произведении.

Анализ показывает, что образ бушующей стихии представлен в поэме «Медный всадник» средствами различных уровней языка. Так, на фонетическом уровне, повтор определенных согласных перекликается со словом Нева, вал, волна, вода, а также повтор согласного Р в сочетаниях с другими согласными наполняет повествование звуками бурной реки, дополняя семантическую связанность слов звуковой.

Одним из важнейших средств создания образа Невы как враждебной человеку силы, является олицетворение стихии. Основной прием одушевления реки – использование антропоморфных глагольных метафор, где стержневыми словами являются глаголы со значением процессов психической деятельности и движения, адъективных метафор, где, благодаря использованию прилагательных с эмоциональной семой, река и стихийные силы природы наделяются чувствами и эмоциями.

Усиление метафоризации происходит благодаря введению в описание деепричастий, которые называют процессы, сопровождающие действия реки, ветра и дождя, а также значимым является ввод антропоморфных наречий и различных сравнительных конструкций.

Не менее важным средством изображения сверхъестественности наводнения является актуализация категории неопределенности, которая выражается в сравнении реки и с человеком, и со зверем, что не позволяет четко определить природу данного явления; колебании грамматической категории рода и числа в описании воды.

Перспективой исследования является анализ языковых средств, связанных с описанием стихий в других произведениях А.С. Пушкина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Архетипы / С.С. Аверинцев // Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. – Т. 1. – С.110-111.
2. Аверинцев С. С. Вода / С.С. Аверинцев // Мифы народов мира: Энциклопедия. – М., 1980. – Т. 1. – С.240.
3. Андреева В., Ровнер А. Потоп // Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Авт.-сост. В.Андреева и др. – М.: ООО «Издательство Астрель»: МИФ: «Издательство АСТ», 2001. – С.391-397.
4. Бельчиков Ю. А. Олицетворение / Ю.А. Бельчиков // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия», 2003. – С.285
5. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). Издание 2-ое / В.В. Виноградов. – М.: «Высшая школа», 1986.
6. Гин Я. И. Проблемы поэтики грамматических категорий: Избр. работы / Я.И. Гин. –СПб., 1996.

7. Грибановский Анастасий. А. С. Пушкин в его отношении к религии и Православной церкви / Анастасий Грибановский // А. С. Пушкин: путь к Православию. – М.: Отчий дом, 1996. – С. 66-129.
8. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах / В.И. Даль. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955.
9. Иванов В. И. К проблеме звукообраза у Пушкина / В.И. Иванов // Пушкин в русской филологической критике: Конец XIX — первая половина XX в. — М.: Книга, 1990. — С. 262—269.
10. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. – Санкт-Петербург, 1996.
11. Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь: Книга для учителя / Ю.М. Лотман. – М.: Просвещение, 1988. – 352с.
12. Папина А. Ф. Текст: его единицы и глобальные категории: Учебник для студентов-журналистов и филологов / А.Ф. Папина. – М.: «Едиториал УРСС», 2002. – 368с.
13. Пумпянский Л. В. «Медный всадник» и поэтическая традиция 18 века / Л.В. Пумпянский // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. Вып.4-5.– М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939, С.91-124.
14. Пушкин А. С. Медный всадник // Собрание сочинений в 8-ми томах. Т.4. / А.С. Пушкин– М.: Художественная литература, 1969.
15. Скоробогатова Е. А. Категория грамматического рода и оппозиция «свой-чужой мир» в поэтических произведениях А. С. Пушкина / Е.А. Скоробогатова // Вісник Харківського університету, № 448, X., 1999. – С.411-414.
16. Скоробогатова Е. А. Стилистические функции актуализации грамматических категорий рода и числа в поэзии А. С. Пушкина / Е.А. Скоробогатова // Вісник Харківського університету, №449 (Пушкін наприкінці XX століття), Харків, - 1999. – С.229-232.
17. Черкасова Л. П. Выражение антропоморфности в лирике Б. Пастернака / Л.П. Черкасова // Филологический сборник (Памяти Ленины Павловны Черкасовой): Сб.науч.статей / Под ред. Е. А. Скоробогатовой и Н. Н. Халанской. – Харьков: ХГПУ, 2003. – с.8-20.

УДК 811.161.1'42

Дидоренко М.П.

КОНЦЕПТ КАК ДИНАМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Дидоренко М.П.

КОНЦЕПТ ЯК ДИНАМІЧНЕ УТВОРЕННЯ

Стаття присвячена проблемі дефініції концепту у функціональному (динамічному) аспекті як зв'язку між його словесними та предметно-образними визначеннями. Теоретичні положення ілюструються прикладами з творів С. Кличкова

Ключові слова: концепт, поняття, зміст тексту, динамічний аспект.

Дидоренко М.П.

КОНЦЕПТ КАК ДИНАМИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Статья посвящена проблеме дефиниции концепта в функциональном (динамическом) аспекте как связи между его словесными и предметно-образными определениями. Теоретические положения иллюстрируются примерами из произведений С. Клычкова.

Ключевые слова: концепт, понятие, содержание текста, динамический аспект.

Didorenko M.P

CONCEPT AS A DYNAMIC STRUCTURE

The article is devoted to the definition of the concept in the functional (dynamic) aspect as a connection between his verbal and subject-shaped definitions. The theoretical propositions are illustrated by examples from the works of S. Klychkov

Key words: concept, notion, content of the text, the dynamic aspect.

Термин *концепт* в лингвистике и старый, и новый одновременно. Ещё в 1928 г. С.А. Аскольдов в своей статье «Концепт и слово» подчёркивал, что вопрос о природе *концептов*, или *общих понятий*, или, по средневековой терминологии, –

универсалий – старый [5, с.31]. Однако, несмотря на это, слово *концепт* ещё не воспринималось как термин в научной литературе. Лишь в 80-х гг. XX в. в связи с переводами англоязычных авторов на русский язык возникает термин *концепт* как обозначение определенного рода ментальных единиц.